

**Борис
ПОДОПРИГОРА**
г. Санкт-Петербург

ВРАГОМ СТАНОВАТСЯ НЕ ПОСЛЕ ВЫСТРЕЛА, А УЖЕ ПОСЛЕ ПРИЦЕЛИВАНИЯ

Вообще говоря, удар в спину нанести легко. Но не всегда безопасно.

Вступление Финляндии и Швеции в НАТО серьёзно влияет на расклад сил на Севере Европы. Но Швеция – дальше, а 1300 км границы с Финляндией пока охранялись нами на основе минимальной достаточности, почти доверительности. Доверие кончилось. Не по нашей вине. Скажите, что угрожало финскому нейтралитету на протяжении 75 лет? Отдают ли в Хельсинки отчёт в том, что фактически для нас обнуление двух основополагающих договоров – Мирного 1947 года и «Об основах отношений» 1992 года – ставит вопрос о соблюдении нами и других договорённостей начиная с декабря 1917 года? На память приходит недавний снос в Турку памятника вождю мирового пролетариата. Тому самому, кто впервые в истории Финляндии «освятил» её независимость (пожелав финским посланцам добрососедства на немецком языке). Правда, финны уверены, что обрели независимость без оглядки на Петроград и Ленина.

Ну а безопасность Финляндии – пусть и со ссылкой на волеизъявление большинства – разве мешает нам озаботиться тем же и жёстче? С соблюдением таких же демократических процедур. Показательно умеренно дипломатичное пояснение финнов: исходим из своих интересов, чьё-либо мнение нам не интересно. По-видимому, случайно финское мнe-

ние совпало с общенатовским, а Россия оказалась для Хельсинки слишком мелкой сошкой, чтобы её замечать. Едва ли не в самый сложный период её новейшей истории. Думаете, это забудется?

Существует расхожее мнение о том, что если бы не спецоперация на Украине, финны не озаботились бы своей безопасностью. Но десятки финско-натовских учений, не говоря о едва ли не демонстративных военных контактах Хельсинки с НАТО, к повышению нашей боеготовности не привели. Зато приглашение в далёком 1974 году к совместным учениям по сей день воспринимается Финляндией как покушение на её нейтралитет.

Хвалить себя у нас повода нет. Но историческая память – о двух сторонах. Финны помнят о 1939 годе, полагая, что с 1941-го эта война для них продолжилась. Нам тоже есть что вспомнить. События после декабря 1917-го назовём «по-фински» – «обретением свободы с преодолением национальной разобщённости». Не об этом ли напоминает выборгская резня 1918 года? Когда, по Википедии, «в подавляющем большинстве были убиты русские, не имеющие никакого отношения к красному движению». Число жертв, подсчитанных, разумеется, финнами, варьируется от 500 до 5 тысяч. На протяжении многих десятилетий мы этот «эксцесс» оставляли историкам без политического педалирования. А финские исследователи запугали всё, что могли:

расстрелом руководил не финн, а швед, никто не уточнял национальности жертв и т.п.

В течение многих послевоенных десятилетий мы не акцентировали внимание на том, что с сентября 1941-го по начало 1944 года Ленинград был весьма жёстко заблокирован финнами с севера. Вместо подсчёта, чего это стоило ленинградцам, мы в повседневной периодике чаще наталкивались на умиленные сцены одновременной стирки портянок красноармейцами и финскими солдатами – с перебрасыванием махорки через 10-метровую речку Сестра. Во всяком случае, ответственность финнов за последние блокады воспринималась нами на порядок мягче, чем немцев. Финны предпочитали этого не замечать и даже шутили в том смысле, что «Пакт Молотова-Риббентропа действовал в отношении Финляндии до конца войны».

Или такой малоизвестный факт: Финляндия наряду с Румынией и теоретически Японией претендовала на советские территории: даже Германия рассчитывала создать только протектораты. Не у нас, а в парижском военном музее плакатный список гитлеровских союзников выглядит так: Финляндия, Италия, Болгария, Венгрия и Румыния. И ещё: в далеком 1944-м, когда решалась судьба финнов, Сталин якобы произнес загадочные слова: «Они хотели вести против нас химическую войну. Но мы их пожалеем». Сталин, вообще-то, не блефовал...

Уже в начале нынешнего века в Финляндии собрали 100 тысяч подписей за возвращение Карелии. Обещали собрать ещё 500 тысяч, недостающих для более «легитимного» обращения к Москве. Доводы – те же, что и в начале 1940-х – плохо владеем своей частью «Карьялы». Примечательна тогдашняя оговорка: «в исторической Финляндии останется не больше 100-200 тысяч русских интегрантов». До истечения «переходного периода» им «нельзя будет участвовать в выборах и перемещаться по территории остальной Финляндии, за исключением своего региона»...

Более изуверского обхождения с оккупированным населением (советской Карелии) – пусть и в процентном выражении, – пожалуй, не допускала даже гитлеровская Германия: из 50 тысяч узников концлагерей уничтожены более 14 тысяч, включая 2 тысячи детей.

Подобные эпизоды мы до поры не вспоминали. Даже реплики соседей в смысле победы Финляндии по итогам Второй мировой (финны её называют «победой отражением») мы трактовали в пользу послевоенного добрососедства, так сказать, с чистого листа, с такими же помыслами и опытом от противоположного. Возможно, мы переоценивали и значение финляндского моста между Востоком и За-

падом, символом чего стало Хельсинкское совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года. На рубеже веков мы с пониманием отнеслись к почти обязательному посещению финнами (официальными в том числе) остатков ДОТов и могил на линии Маннергейма. Правда, со временем показалось, что другого смысла в приграничном обмене соседи не видят.

Уже не до истории. Последствия расширения НАТО за счёт финнов и шведов состоят в превращении Балтийского моря в Североатлантический бассейн без подтверждаемого доступа России к Калининграду. Тем более что морская блокада – один из самых характерных поводов для войны. О «ракетно-подлётном» времени до Санкт-Петербурга – ведущего военно-промышленного центра страны и места базирования главного штаба ВМФ, а также к штабам Балтийского и Северного флотов всё сказано с точностью до минут. А по факту, протяжённость нашей границы с НАТО после вступления в неё Финляндии увеличится с нынешних 1280 км более чем в два раза. Притом что более 500 км этой границы – с Литвой и Польшей – «замкнуто» калининградским эксclaveм.

* * *

Что делать? Прежде всего, оптимизировать перечень военно-технических, политико-дипломатических, геоэкономических, правовых, информационных и, скажем обтекаемо, иных мер – по степени их неотложности и эффективности. Военно-технические – оставляю тем, кто явственнее ощущают расстояние до «красной линии», совпавшей с границей Финляндии. Повторю аксиому: безопасность Финляндии не может быть надёжнее, чем наша. А мирной жизнью дорожат не только сытые и благополучные. Тем более что врагом становятся не после выстрела, а уже после прицеливания.

Об остальных мерах скажу с позиции политолога, сколько-нибудь знакомого с регионом. Рассчитывать на турецкое или иное вето на вступление Финляндии в НАТО, на мой взгляд, поздно. И не потому, что Анкара предсказуемо потребует «умиротворения» Армении и понятного союза с Азербайджаном. Или предложит «разменять» своё вето на долгожданное вступление в Евросоюз: у турок не отнять умения торговаться. Важнее другое: даже сиюминутный (посмотрим, что будет дальше) отказ Анкары поддержать финнов вызвал угрозы в её адрес. А если уже вступившие в блок с чем-то не согласятся? Что им тогда ждать – «миротворческую операцию»? Понимают ли это финны?

А нам предстоит оговорить с ними недопусти-

мость такого участия в натовских планах, которое в России сочтут подготовкой к нанесению по ней удара.

Отдельного осмысления, повторю, заслуживает подтверждение нейтрального (внеблокового) статуса Балтийского моря за пределами национальных вод. Без дипломатических кокетств. И с участием не столько Брюсселя, сколько Вашингтона. Без этого с Хельсинки можно обсуждать разве что будущее Сайменского канала или варианты использования поездов «Аллегро».

Весь экономический блок заслуживает не менее жесткого препарирования по принципу, что когда и насколько необходимо нам? И в чём мы сотрудничали в рамках мирового бизнес-обмена, пусть и не бесполезного, но не критичного для нас? А к экономическим, прежде всего энергетическим, интересам Финляндии следует отнестись на основе правовой регламентации. Во всяком случае, статус «страны 1000 озёр» как плацдарма для потенциального нападения на Россию требует практического учёта. В этом видится и вектор информационных усилий, а заодно повседневной «озабоченности». Безо всяких намёков достоин «прищур» не самый простой этнический состав Финляндии. Из 5.5 миллиона – более 60 тысяч – мусульмане, почти 90 тысяч – русскоязычные, те и другие – с разными взглядами на своё место в мире.

Другое дело, что с Финляндией связаны судьбы и интересы, по финским данным, 140 тысяч наших соотечественников – в массе из Петербурга, Ленобласти, Карелии: бизнес, учёба, наличие недвижимости, досуг-туризм, постоянный шопинг, лечение и т.д. Многие из них пребывают в подве-

шенном состоянии между «может, рассосётся» и «Россия сама виновата». Чувства этих людей понятны. Понятно и то, что 140 тысяч составляют менее 0.1% населения страны. А на остальных 99.9% стране предстоит сэкономить, в том числе за счёт недополученного ими из бюджета. Тут есть что взвесить. И вообще, если от любого финства следует «запастись хоть куском буженины», то в нашем случае им будет своевременное напоминание о других соседях – близких и не очень.

Кто скажет, куда заведёт их судьба?

Конечно же, мировая повестка не исчерпывается вступлением Финляндии в НАТО. Более того, эту повестку легко опрокинет российско-китайский диалог. Лучше при участии Ирана, а может, и Индии. Во всяком случае, наше посредничество в урегулировании отношений между Пекином и Дели явно запаздывает. Кстати, у персов есть поговорка: даже хлопок (разумеется, в ладоши) бывает громче громовых раскатов.

* * *

Асердиться не надо. Надо сосредоточиться... Мне жаль своих давних финских собеседников. Они считали, что со второй половины XX века их соотечественники получили всё, что мог даровать им Господь. И напоследок – совет одного из самых известных финских политиков Урхо Калева Кекконена. В 1943 году, выступая на конференции в нейтральном Стокгольме, он сказал: «Не в интересах Финляндии быть форпостом Запада...»

□

Борис ПОДОПРИГОРА

родился в 1955 году в Ленинграде.

По образованию – востоковед (китаист и исламовед), психолог.

Значительную часть жизни занимался аналитической и медийной работой, в том числе в 7 кризисных зонах, включая страны Африки, Афганистан, Таджикистан, Балканы, Северный Кавказ и Закавказье.

Полковник запаса.

Литератор, сценарист, публицист.

Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Член творческого коллектива, удостоенного высших кинематографической и телевизионной премий РФ в 2004 году – ТЭФИ и «Золотой орел» – как соавтор сценария телесериала «Честь имею».

Лауреат журналистского конкурса «Золотое перо-2006» в номинации «Личность в журналистике».

